

Копосов Даниил Робертович

ТЕКСТОБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЁН В "НАЗИРАТЕЛЕ" (XVI В.)

В статье рассматривается функционирование маркированных по стилю суффиксальных производных имён при создании текстовых формул в тексте "Книги глаголемой Назиратель" XVI века как иллюстрация к формированию современной стилистической системы русского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 151-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

подавания. Л., 1981.

Колесов В. В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений: позднее Средневековье. СПб.: Наука, 1991. 263 с.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. XIX. 148 с.

Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. 76 с.

Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного ученого и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1790.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л., 1950-1959. Т. 7. 995 с.

Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. 158 с.

Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской Империи, сочиненное Лудвигом Генрихом Якобом, коллежским советником и кавалером. СПб., 1811.

Овсянко-Куликовский Д. Н. Грамматика русского языка: руководство для средней школы и для самообразования. М., 1908. 176 с.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над строем русского языка. СПб., 1850.

Перевлесский П. М. Начертание русского синтаксиса. М., 1848. Изд. 2.

Половцов В. Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению. СПб., 1842.

Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1993. 248 с.

Светов В. П. Опыт нового российского правописания. СПб., 1773.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 2. 1802 с.

Трифонов Р. М. Истоки русской грамматической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1967. 17 с.

Фортунов Ф. Ф. Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1. 450 с.

Щеулин В. В., Медведева В. И. Хрестоматия по истории грамматических учений России. М.: Высшая школа, 1965.

ABOUT SOME FEATURES OF THE RUSSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY (THE END OF THE XVIIITH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES)

Kolesnikova Elena Aleksandrovna

Department of the Russian Language
Institute of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
lena_kolesnikova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the scantily studied period of the development of the Russian grammatical terminology. In the work the system relations in the sphere of the Russian linguistic terminology and also the reasons of their occurrence are considered.

Key words and phrases: linguistic terminology; synonymy; polysemy; homonymy; ambisemy in the sphere of the Russian linguistic terminology.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЁН В «НАЗИРАТЕЛЕ» (XVI В.)

Копосов Даниил Робертович

Кафедра истории русского языка и языкознания
Казанский государственный университет
dandocs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование маркированных по стилю суффиксальных производных имён при создании текстовых формул в тексте «Книги глаголемой Назиратель» XVI века как иллюстрация к формированию современной стилистической системы русского языка.

Ключевые слова и фразы: жанр; стиль; маркированность; текстовая формула; суффикс.

В нескольких работах 2009 года мы уже указывали, что в Назирателе отмечено общее количество словоупотреблений с суффиксами церковно-книжного характера - 499, нейтрального - 152, то есть соотношение словообразовательно производных имён, ассоциированных с церковно-книжными жанрами, к числу имён с немаркированными суффиксами составляет 3:1. Судя только по этому отношению, мы должны были бы сказать, что это текст церковного характера. При этом для передачи словообразовательных значений отвлеченного действия и отвлеченного признака в Назирателе используются в основном производные четырёх типов: на -*ость*, -(н/т)*ие*, -*ство* и образования нулевой суффиксации, а при наличии словообразовательной синонимии в большинстве случаев предпочитается вариант с маркированным суффиксом. Это также наводит на мысль о некоей связи текста с церковно-книжной традицией.

Однако церковно-книжная природа моделей на -*ость*, -*ствие*, -*ние*, -*ство* и др. именного словообразова-

ния имеет временный характер, ограничена рамками древнерусского языкового состояния. Обилие этих суффиксов в Назирателе - тексте бытового содержания - может объясняться тем, что к XVI веку началось смешение суффиксов различных жанров. Отчасти на это влияет и переводной характер текста: иногда автор просто копировал суффиксальные производные из польского языка. Например, *бѣлость* - *białość*, *дозрѣлость* - *dojrzałość*, *густость* - *gęstość*, *красность* - *czerność*, *ядение* - *jedzenie* и т.п. Известно, что имена с суффиксами *-ость*, *-ствие*, *-ство* в русском языке более свойственны книжным стилям, а в польском языке эти типы имеют, как правило, общезыковой, стилистически немаркированный характер [Маркарян, Николаев, с. 48].

Тем не менее, наличие в исследуемом памятнике словообразовательного сходства с церковно-книжным текстом потребовало поиска более очевидных «общих» мест, совпадений между этими жанрово-стилистическими феноменами. Наиболее логичным направлением поиска таких сходств является структура текста, а именно участие словообразовательных единиц в организации текстового пространства.

Сакральный древнерусский текст, по меткому замечанию Ф. Н. Двинятина, представляет собой «паутину, прядение». «Автор создает текст, характеризуемый в первую очередь наличием структуры, переплетением и взаимозависимостью элементов» [Двинятин, с. 90]. В книге В. В. Колесова «Древнерусский литературный язык» [Колесов] дается анализ построения церковно-книжного текста. Главным предметом исследования Колесова становятся закономерности, в соответствии с которыми язык реализуется в тексте, парадигматика - в синтагматике. Текст не свободен, а создается заданными общими моделями. Сходную мысль высказывает Н. А. Андрамонова, упоминая, что и современный нам текст представляет собой взаимодействие и смешение языковых уровней, определённым образом организованное.

Структуры текстовой организации демонстрируют мотивированность образа, жанра, канона (этикета). По мнению Д. С. Лихачева, не жанр произведения определяет выбор выражений и формул, а предмет, о котором идет речь. Автор, «философствуя и размышляя о бренности человеческого существования, прибегает к церковнославянизмам, рассказывая о бытовых делах - к народнорусизмам» [Лихачёв, с. 82].

Когезия церковно-книжного текста, в частности риторических жанров, строится на использовании сходных (однотипных) деривационных единиц. Как было показано в работах В. В. Колесова, Ф. Н. Двинятина, других учёных, подобные единицы включаются в стереотипные формулы, образуя деривационные «синтагмы» от двух до четырех однотипных форм (производных слов). Наиболее очевидны данные последовательности в том случае, если они образуются производными суффиксальными именами, содержащими в своей структуре маркированные (по Г. А. Николаеву [Николаев] - церковно-книжные) суффиксы.

Формально такие последовательности имеют вид бинарных, троичных или квадратичных схем типа: *умышление* - *злобление* - *покаяние*; *богатство* - *резоимство* - *пиянство* и так далее, с одной стороны, или корневых удвоений в сочетании единиц, находящихся в отношении прямой или непрямой соотнесённости, наподобие *въ нюже бо мѣру мѣрите възмѣрится вы* - с другой. Схемы образования последовательностей того и другого типа описаны, в частности, в работах О. Ф. Жолобова и представляют собой удвоение корневой или аффиксальной морфемы, впоследствии - осложнение пары форм третьей, а затем создавшейся триады - четвёртой формой. За счёт такого осложнения в текстовом пространстве возникают «сгущения смысла», которые Л. П. Клименко [Клименко] определила как «концепты» текстовых формул и текста в целом. Подчеркнём, что все упомянутые исследователи работали на материале церковно-книжных жанров древнерусского языка. Как эта особенность древнерусского церковно-книжного текста отражается в Назирателе?

Во-первых, возможно участие в контексте однокорневых с указанными лексем, осложняющее конструкцию и обеспечивающее приращение сакрального смысла. Простейшим примером такого осложнения в сакральном тексте являются корневые удвоения типа *утешением утешити* - *обновлением обновити* - *запретити прещением* (Слова-Поучения Серапиона Владимирского, XIII в.) и так далее, восходящие к парным корневым сочетаниям *суд судити*, *ряд рядити* - регулярному средству сакрализации формулы в древнерусском языке. Возможны (и число вариантов увеличивается по направлению ко времени перевода Назирателя) и другие схемы когезийной работы с однокорневыми или одноструктурными единицами.

В тексте нашего памятника обнаруживаются схемы организации текстовых фрагментов по принципу корневого удвоения в парном сочетании. Приведём примеры: *ко изобразению ихъ образа* - с. 123; *ни во нею не воняет* - с. 126; *отходить... потому что на отходе* - с. 147; *грабежУходичи не розграбили* - с. 158; *умножитсА множество* - с. 268; *учитель палладіи научалъ* - с. 281; *исправлениемъ добрымъ возможет исправитисА* - с. 337; *заостряетсѣ во острость* - с. 412; *которыми могъ бы возити возами* - с. 439; *перекопами окопЮють* - с. 441; *чтобы мочно его вътрУперевѣвати* - с. 459 и так далее, всего 42 формулы с участием производных имён. Как видим, в организации формулы с корневым удвоением в основном по-прежнему участвуют сочетания «глагол + приглагольное имя», отражая древнюю модель «синтаксического» (неопределённость термина и применение его к генетически различным явлениям в разных работах заставляют взять это слово в кавычки) словообразования, механизм которого мы описывали в нашей диссертационной работе. Можно также заметить участие в организации текстовой формулы имён со значением отвлечённого признака: *заостряетсѣ в острость* - и даже сочетание разноформленных приглагольных имён: *ко изобразению ихъ образа*. Все описанные модели текстопостроения отмечаются исследователями в произведениях сакральной семантики.

Отличие Назирателя от церковно-книжной традиции, таким образом, состоит в том, что в нашем памятнике помимо традиционных, узнаваемых, типа *учитель палладіи научалъ*, *исправлениемъ добрымъ возмо-*

жет исправитисА и так далее представлены схемы, семантика которых далека от какой-либо сакральности, в том числе и лексически. Очевидно, что функция корневых и структурных удвоений в Назирателе стилистически иная, нежели в текстах церковно-книжных жанров: речь не идёт о сакрализации контекста-формулы - «переходе» к семантическому плану «вышнего, нетленного».

Второй упомянутой линией создания когезии текста памятника, так же как и в текстах церковно-книжных жанров, в Назирателе оказывается использование рядов-последовательностей словообразовательно или грамматически однотипных именных форм, определённое Д. С. Лихачёвым как «нанизывание» падежей или предложно-падежных форм, а в работах Г. А. Николаева продемонстрированное как «выстраивание цепочек» словообразовательно однотипных единиц.

В Назирателе мы видим частое использование подобных структур: *огонь приращению, которой есть сосѹдомъ, или свАстию стравлениА, по телеси развѣвает* - с. 113; *хотѣния ядению воздвизает* - с. 114; *сега ради смѣцениА и вреждениА* - с. 116; и *крѣности стравности* - с. 120; *растѣи вещи умножениА, и поднесения приходячи к познаванию воды* - с. 124; *а что грѣности, и дебелости земныА* - с. 127; *много от неи гѣности и ливкости* - с. 129; и *гѣности своеи которѹю имѣють з дебелости земныѣ примѣиенѹю удобно приимѹют загнилость* - с. 130; и *сѣхоты се же ради высѣиениа их приращенные мокроты* - с. 132; *вознѣиениа в желѹдкѹ воздвизаетъ, и скиданиа, или блеваниа дѣлаеть* - с. 134; *отварениА ее стоить процежения, потому что тамо бывает отлѣчение* - с. 136; *от стенѣниа, и от спечениА* - с. 144; *потемнѣние зрѣния* - с. 145; *положение низины или холмовъ, и отворениа, или сасланениа* - с. 148; или *варениа ихъ жолѹдковъ, ставлениа дворовъ* - с. 149; *бережениА забором высоким отгорожениа, окопаня и обсыпаниа* - с. 156; *къ обранию и к паханю* - с. 159; *просвѣчениа, тако ж и вѣтров частого провѣваниа* - с. 163; *широта и высота ворот* - с. 166; *разсѣжению подобает быти в начале основаниА* - с. 188; *много зернѣиокъ или почечокъ* - с. 197; *стожаниа и лежаниа* - с. 199; *от нестроениа, понеже ѿ овоцехъ и строению и ѿ бережению ихъ* - с. 204; *злость овоцѹ, и терпкость его* - с. 209; *длѣи привлачениА и притѣгнениА живности и кормѹ* - с. 210; *врачевѣство или лѣкарство* - с. 212; *твердостию или жестокостию древа* - с. 219; *въ сложеніи и в составленіи плоти* - с. 224; *в' высотѹ ростѹт нежели в' толстотѹ* - с. 227; *къ растѣженію либо розволоченію* - с. 228; *перекопанію къ стравленію* - с. 230; *происходит с водности и из семности* - с. 232; *иногда тое дѣлаеть и жестокость корениа, котораа длА дебелости своеѣ* - с. 237; *о совокѣленіи і о отдѣленіи лѣторасли* - с. 239; *бывает травление, или прочищение сокѹ въ древеси* - с. 240; *живность нѣкѹю или крѣность* - с. 243; *подѣлованиА или бережениА* - с. 251; *вѣициениамъ масла деревяного къ его ѿмѣгченію, тако ж разрѣзываниа коры* - с. 255; *пересаженіамъ же или переменениамъ мѣста* - с. 261; *ѿнаа мокрота с теплою* - с. 264; *о разности рождениА древесъ по премененію времени* - с. 267; *приходила къ послѣднеи старости идѣ же уже крѣности не имѣтъ* - с. 268; *к сохраненію своего пребываниа* - с. 269; *есть загноение, котораА имать в' собѣ крѣность изображениа* - с. 270; и *какъ крѣность и сила загнилости* - с. 273; *есть помощь строениа і исправлениа* - с. 275; *кормѹ ѿраниа или копаниА сѣжаниа и прививаниА* - с. 276; *есть растлѣние кормѹ которой жваніем вѣицанъ в' желѹдок* - с. 278; *из сѣхотою земною имѣеть мокротѹ* - с. 280; и *теплоту своиственнѹю, и мокроту терѣает* - с. 283; *преочищениа и пропѣчение кормѹкъ претворенію во образ плоти* - с. 287; *только нагноениамъ навозѹи добрымъ исправлениамъ* - с. 294; *меж всѣми навозами навоз ѿслинои* - с. 295; *времиа вывожениа и рострѣсываниа* - с. 303; *прироженіа теплота и мокрота* - с. 305; *в' корени дѣлаеть отворенія, и содѣловает сѣмена к выхоженію* - с. 306; *к стеканію и к застановленію* - с. 307; *о корыстехъ ѿраниа или паханиА земли* - с. 313; *твердость вер'хѹ земли такъ своею улеглостію* - с. 314; *паханиамъ или совораниамъ, а ламаниА и роздробление или събораниамъ* - с. 317.

Из приведѣнных примеров видно, что некоторые производные с церковно-книжными суффиксами употреблены не из прямой необходимости: есть параллельные им единицы с нейтральными суффиксами: *злость* - *злота*, *острость* - *острота*, *переменение* - *перемена*, *навоженіе* - *навоз* и другие, причѣм в иных контекстах вполне употребительные. Это происходит потому, что «маркированные» формы вступают в отношения внутрiformульного взаимодействия с другими производными той же модели: - *ость* и - *ость*, - *ние* и - *ние* и так далее. Автор, ощущая лексико-семантическое сходство и словообразовательную разницу между словами, например, *прививка* и *прививание*, *прѣмена* и *прѣменение* и т.п., употребляет то или иное образование в ряду однотипных, создавая, по аналогии с текстовой традицией церковно-книжного характера, некое «приращение смысла».

Таким образом, на архитектурном уровне наш текст демонстрирует известное сходство с текстами церковно-книжных жанров, а изобилие единиц с суффиксами -*ость* и -(н/т)*ие* не может быть связано только и исключительно с воздействием польского текста-оригинала.

Подводя итоги, отметим, что главным результатом исследования явилась парадоксальная насыщенность бытового, профанного по сути текста - сельскохозяйственного кодекса - архаизированными и церковно-книжными по своему функционированію единицами.

В чём же состоят причины отмеченных стилистических несоответствий?

В XVI веке усиливалось влияние славяно-книжных элементов на русский язык. Неслучайно эту эпоху называли эпохой «второго южнославянского влияния» (см. об этом [Жуковская]). Не только в тексте Назирателя, но и во всей массе имеющихся текстов этого периода исследователями фиксируется нарочитая архаизация языковых средств. В больших количествах «возрождаются к жизни» так называемые «славянские»

формы словоизменения. Однако ни в одной из доступных нам работ, посвящённых проблеме «второго южнославянского влияния», не было указания на то, что в описываемый период архаизируются и словообразовательные средства, а тем более - что возникает возможность распространения на тексты профанного характера словообразовательных средств церковно-книжной принадлежности.

Тем не менее, результаты наблюдений говорят сами за себя, хотя эти церковно-книжные словообразовательные формы по-новому функционируют в тексте. Говорить о «сакрализации» контекста и текста уже не приходится, поскольку сам профанный, бытовой характер текста не предполагает какого бы то ни было обращения к «вышней» сфере, «горнему» миру. Производные образования с сакрализованными суффиксами включаются в повествование, по своей прагматике характерное скорее для деловых жанров древнерусского языка, тем самым лишаясь части своей сакральности, однако сохраняя за собой способность к созданию фокусных точек повествования. Другой вопрос: как теперь определять это стилистическое новообразование?

Полагаем, на наших глазах в отдельно взятом тексте происходит разрушение старой системы стилей (где церковно-книжные жанры были противопоставлены агломерату прочих жанровых традиций как условно «высокий стиль»), на место которой приходит новая, трёхчленная, впоследствии описанная М. В. Ломоносовым.

Видимо, «деловой» и «научный» стили на момент их формирования (в современном о них представлении) воспринимались носителями языка как «наследники» церковно-книжной традиции, что сказывалось на выборе языковых средств, призванных обслуживать эти новые феномены.

Имея в виду употребление в тексте Назирателя маркированных по церковно-книжному «стилю» языковых средств, можно сказать, что вектор маркированности изменяется (от «высокого как сакрального, церковного» - к «высокому - научному»), а сама маркированность сохраняется: переводчик пытается создать произведение высокого - научного теперь - стиля.

Список литературы

Двинагин Ф. Н. «Нити Мезгиревых тенет» и исследование В. В. Колесова о структуре древнерусского текста // Динамика русского слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 191 с.

Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1232-1632 гг.) // История русского языка: исследования и тексты. М., 1982. С. 277-287.

Клименко Л. П. К вопросу о взаимодействии старославянского, древнерусского и русского языков на уровне лексики // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по мат. докл. и сообщ. конф. Смоленск, 16-17 апреля 2002 г. Смоленск, 2002. С. 133-140.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 353 с.

Маркарьян Н. Е., Николаев Г. А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 140 с.

Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань.: Изд-во КГУ, 1987. 152 с.

TEXT-GENERATING FUNCTION OF SUFFIXAL DERIVATIVE NAMES IN "NAZIRATEL" (THE XVITH CENTURY)

Koposov Daniil Robertovich

*Department of the Russian Language History and Linguistics
Kazan State University
dandocs@mail.ru*

Abstract. In the article the functioning of stylistically marked suffixal derivative names while creating the text formulas in the text of "Naziratel" (the XVIth century) as the illustration of the formation of the modern stylistic system of the Russian language is considered.

Key words and phrases: genre; style; markedness; text formula; suffix.